

фантастическая
история

Книги Александра Башибузука
в серии «Фантастическая История»

СТРАНА АРМАНЬЯК. БАСТАРД
СТРАНА АРМАНЬЯК. РУТЬЕР
СТРАНА АРМАНЬЯК. ДРАКОН ЗОЛОТОГО РУНА

МОСКВА, 2016

фантастическая
история

Александр Башибузук

Страна Арманъяк.

Дракон
Золотого Руна

€ ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Б33

Серия основана в 2010 году
Выпуск 109

Башибузук А.

Б33 Страна Арманьяк. Дракон Золотого Руна: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016. — 313 с.: ил. — (Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-2150-3

В Европе бушует война, великий герцог Бургундии Карл Смелый сошелся в смертельной схватке со швейцарской конфедерацией, которую поддерживают многие европейские государства. Командир роты лейб-гвардии Карла Смелого барон ван Гуттен, он же бастард Арманьяк, всегда находится в первых рядах сражений. Барону уже есть что терять, судьба подарила ему семью и владения, но пока идет война и живы убийцы его отца, он будет в строю. Заговоры, интриги, тайные общества, наемные убийцы... ну что еще может встать на пути Александра Лемешева — обычного современного тренера по фехтованию, волей Провидения закинутого в пятнадцатый век? Для него все понятно — честь и достоинство превыше всего. Но рано или поздно жизнь поставит перед бастардом право выбрать свою судьбу.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Александр Башибузук, 2016
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016

ISBN 978-5-9922-2150-3

ПРОЛОГ

— ...А ты? — Я понянчил в руках пустой кубок и подставил его Иосту, стоящему рядом с кувшином в руках.

— А что я? — горестно вздохнул Тук. — Хотел ему башку срубить, а потом — на кол.

Верный мой эскудеро, юнкер Уильям ван Брескенс — он же беглый саморасстрига монах Уильям Логан по прозвищу Тук, мотнул спутанной гривой волос и вообще замолчал.

— Так чего не срубил? — Я едва не расхохотался.

— Не дали... — Тук залпом выхлестал вино. — Не дали!!! Они...

— Брунгильда и Матильда?

— А кто еще... — буркнул шотландец, не поднимая головы. — И теща, зараза...

— А он?

— Не знаю... Спрятали... — Тук потряс кулачищем. — Вот я ему!..

Самое время пояснить смысл сей мизансцены. Тук ездил в выхлопотанный для него краткосрочный отпуск. Семью проведать, мои и свои доходы с владений привезти, да и вообще за порядком проследить. Но не это главное...

— Как она могла!!! — горестно взвыл Логан, потрясая кулачищами. — Я же мальчика делал!!! Точно — урод пейсатый наколдовал. Разорву жидовское отродье!!!

— А ты знаешь, как мальчиков делать? — не удержался я от ехидного замечания. — Поделись знаниями, умник.

Логан, устыдившись, заткнулся и стал старательно обглаживать здоровенную кость.

Вы все уже, наверное, поняли... Мы с Логаном стали отцами. Да, отцами. Матильда произвела на свет двух девочек-

близняшек, а Брунгильда, отстав всего на неделю, наградила Логана тоже девчонками, но двойняшками. Роды прошли благополучно, матери и детки здоровы, в чем я усматриваю чудесную руку моего обер-лекаря Самуила. За что и вознагражу сторицей — как только доберусь домой. И, конечно, спасу от разъяренного Тука. Еще чего не хватало — единственного в наличии приличного доктора рубить!

Все-таки девочки... А Матильда и Самуил клялись, что будут пацаны... Но я не в обиде. Да и почти готов был к подобной коллизии — во сне маман и папан предупреждали. Ну вот... Уже не сгину без следа и памяти. Есть потомство. Радость великая, но и одновременно великие хлопоты. Надо будет выбрать удобный момент и решить вопрос с легализацией потомства. Думаю, Карлуша не откажет. Долбаное средневековье!..

Моя ненаглядная Матильда — самого что ни на есть подлого происхождения, и я, естественно, не могу себя законным образом с ней сочетать. Невместно, да и Карлуша никогда не разрешит. Посему дочечки уже родились с клеймом бастардов. Собственно — как и я. Вернее, брэнная тушка, в которую меня вселило. Бастард Мария-Эугения и бастард Екатерина-Карменсита — звучит великолепно. Да, уже имена дочуркам придумал. Теперь осталось решить вопрос с признанием моих крошек.

Отпил вина и подцепил с блюда кинжалом ломоть копченой белорыбицы. Хороша. И все остальное — отменного качества. Тук пригнал из Гуттена десять возов провианта, а самое лучшее не поленился и в аббатство доставить. Верные челядники отменно расстарались. Свято внемлют заветам и блюдут хозяйство. Исаак, которого я оставил надзирать за торговыми делами, предоставил с Туком подробный отчет. Пишет: в великом прибытке сезон закончился, хотя клятый Бургундский Отель еще до конца не расплатился.

Таких же отчетов с Туком прибыло еще немало. Обер-до-рпсхофт хвалится приплодом и урожаем. Обер-сержант-адмирал Веренвен докладывает, что взяли на шпагу галеру с пряностями, благополучно добрались домой, а теперь, как порядочные рыбаки, занимаются только рыбой и усовершенствованием средства преступного промысла. То бишь обихаживают шебеку. Обер-лейтенант-инженер Пьетро Фиора-

ванти и обер-сержант-инженер Фен Юйсян наконец благополучно испытали свежеизобретенный бомбический единокор. Кстати, первые три разнесло в щепу вместе с лафетами. Ну никак почтенные инженеры не могли добиться требуемого качества орудийного сплава. Реставрацию замка почти завершили — идут отделочные работы, а все мощности перекинули на укрепление гавани и постройку маяка. Да о многом еще рапортуют. В общем, дома парадиз. Что не может не радовать — начинаю потихоньку определяться по жизни. А сначала... до сих пор вздрагиваю, как вспоминаю...

Началось все с того, что, будучи тренером сборной по спортивному фехтованию Александром Лемешевым, я вляпался в аварию и погиб. Да-да, наглухо. Затем, неведомо чьим хотением, возродился уже в теле бастарда д'Арманьяка, виконта де Лавардан и Рокебрен, как раз совершившего побег из города Лектура, в котором его непутевый папенька граф Арманьяк сдерживал последнюю в своей жизни осаду. Как вспомню, так вздрогну. Как умудрился выжить? Толком же ни хрена про Средневековье не знал. Так... обрывки сведений. Клинок верный выручил. Вот что умею так умею. Все же в прошлой жизни олимпийским чемпионом по фехтованию был. Правда, и повезло мне нехило. Этого не отнять.

Недруг у покойного папаши был более чем серьезный — сам руа франков Луи XI по прозвищу Всемирный Паук. Поставивший перед собой цель извести свободолюбивое племя Арманьяков под корень. Что успешно и осуществил — это кроме меня, конечно. Папаша за пару дней до смерти отправил своего отпрыска в Испанию за помощью. И я, оказавшись в теле бастарда, решил эту миссию продолжить, ибо сумел сообразить своими современными мозгами, что со смертью отца шансов на более-менее пристойное существование у меня совсем не остается. Но не успел. Последний граф божьей милостью, а не милостью короля Жан V д'Арманьяк был в буквальном смысле разорван солдатами на второй день моего путешествия. И пошла жисть моя по кочкам... Пришлось повертеться — охотились на меня не в шутку. Едва успевал отмахиваться, а личины вообще менял как перчатки. Кем только не был... Шевалье де Сегюр, шевалье де Дрюон... даже командиром компании наемников-рутьеров побывал. Но выжил. Теперь я вполне легальный барон ван Гуттен.

Кондюкто лейб-гвардии Карла Смелого Бургундского. Карьера, ёптыть... Собственной кровушкой политая.

Тук, едва осилив последний кубок, клюнул своей буйной головушкой и громко захрапел. Ага... торкнуло наконец. Он уже приехал в сиську бухой. Горюет скотт... В смысле — не скотина, а шотландец. Эскудеро у меня из Каледонии, то бишь Шотландии. Подобрал его по пути в Испанию. Приютил, обогрел, приблизил, возвеличил. И ни разу не пожалел об этом. Люблю этого громилу как брата.

— Оттащите его куда-нить в келью, — приказал я Иосту и Клаусу. — Пусть проспится болезный. А сами валите послушниц шупать. И без насильства, а токмо по доброй воле. Узнаю, что кого обидели, — самолично четвертую. Понятно? Да... пришлите ко мне срочным порядком обер-казначея со списком награбл... тьфу ты... со списком взятого с бою. Выполнять...

Обрадованные пажи быстренько подхватили под руки Логана и утащили.

Я походил по келье и глянул в слюдяное окошко. Брр... зима в Лотарингии — это нечто. Так бы и сидел до конца войны в аббатстве. Но не получится. М-да... Значит, буду наслаждаться, пока есть возможность. Подкинул пару поленьев в камин и отправился к книжным шкафам. Так... что здесь у нас? Провел рукой по книжным корешкам и наугад вытащил тяжелый фолиант в кожаном переплете. Ага... некий Сен-Мор со своим «Трактатом о монашеской кухне». Очень интересно. Долил себе вина и утвердился в удобном кресле. Про кухню — это всегда познавательно, тем более про монашескую...

«...собрал я сии рецепты из собственного опыта ради совершенствования повседневного питания братии и дабы сделать это питание более вкусным...»

ГЛАВА 1

— Капитан... — Дверь в келью приоткрылась, и показалась бородатая башка в полусаладе. — Простите, капитан...

— Что? — Я оторвался от чтения.

— Обер-аудитор просит извинения: глаголет, скоро закончит ревизию и сразу явит себя пред вами, — степенно сообщил Якоб Бользен, сержант моих арбалетчиков, стоявший сегодня инспектором караулов. — А еще он одну подозрительную перегородку собрался ломать. Грит, не успокоюсь, пока не найду...

— Хорошо. — Я кивнул, не отрываясь от чтения. — Свободен.

— Тут еще эта... — Якоб досадливо поморщился.

— Что еще?

— Аббатиса буйствует. Значица, грозит руки на себя наложить, совершенно несправедным способом...

— Да и хрен бы с ней... — отмахнулся я. — Не видишь, капитан просвещается... хотя... ладно, веди...

М-да... и на хрена мне эта морока? Но никуда не денешься. Сам ее придумал, значит, и расхлебывать буду. Дело вот в чем...

Война, однако. Воюем с Карлой Лотарингию. Успешно. Двадцать пятого сентября Понт-а-Муссон почти с налету взяли. А вот перед Нанси — столицей этой самой Лотарингии, великий затык вышел. Ну никак клятые горожане сдаваться не хотят. Люто бьются, сволочи. Время идет, на дворе конец ноября, слякоть, грязь, провиант уже весь вышел у бургундов, небоевые потери просто зашкаливают. Народ роптать начал — жалованье Карла уже три месяца задерживает. А еще подмога от Рене II Лотарингского и Сигизмунда Австрийско-

го вполне может пожаловать, и повторится ситуация как при Нейсе.

Хотя тогда мы сдюжили и загнали германцев за облака. Ваш покорный слуга своей храбростью выслужил при Нейсе баронский титул и стал кавалером ордена Дракона — его получил уже от самого кайзера Священной Римской империи Фридрихуса. Да, в наше время рыцарственности даже враги могут достойно отметить своих соперников. Хотя я до сих пор не понимаю, как тогда жив остался. Кирасу с дырищей от ядра рибодекина лично повесил в главном зале моего замка. Как память потомкам о своем доблестном предке...

Но это я отвлекся. Значит, с провиантом под Нанси у нас совсем плохо. С монетой — и того хуже. Город не сдастся в надежде на подкрепление от своего властителя. И я совсем заскучал. Карл строго-настрого запретил участвовать в приступах. Дорог ему барон ван Гуттен, видите ли... В совершеннейшем фаворе нахожусь. Осуществляю его ближний круг охраны со своими спитцерами и арбалетчиками. И все... Никакой развлекухи, тем более добычи. А какая война без добычи? Уныние одно, а не война... Еще и жалованье не платят. Вот, воспользовавшись удобным случаем, я и присоветовал государю некий маневр. Конечно, исповедуя свою корысть. Мои архаровцы совершенно случайно выловили человечка из города, который с перепугу выложил весьма важные сведения. Оказывается, клятые бюргеры перед самым началом осады успели эвакуировать большую часть казны из Нанси в одно интересное аббатство.

Аббатство Сен-Жюстин. Стоит на расстоянии трех пеших дневных переходов от Нанси. Считай, в глубоком вражеском тылу. Война эту местность еще не захватила. Значит, благоденствуют. При его захвате решается сразу несколько проблем. У нас появляется форпост со стороны возможной подмоги осаждаемым и перерезается канал поставок в Нанси. Возможно, провианта прихватим, а если казну еще дальше не сплавили — так вообще шикарно получится.

Карл поначалу наотрез отказался. Он уже опять видит Лотарингию своей вотчиной и не хочет проблем с церковью местной. Да и к населению приказано относиться щадяще. К примеру, провиант у пейзажистов мы покупаем, а не отбираем. Экое занудство...

Пришлось постараться, уговаривая герцога. Как сейчас помню...

— Сир... — Я, преданно пожирая глазами своего сюзерена, сделал шагок к громадной карте, — сей маневр позволит обезопасить нас с севера... При этом...

— Барон, неужели вы думаете, что *мы* забыли про это? — Карл нахмурился. — Да, это аббатство у нас как кость в горле. Но я не могу отвлекать наши силы в данный момент. Там может быть сильный гарнизон.

— Я справлюсь... — скромно потупился я, — не привлекая дополнительных сил. Только своими спитцерами и арбалетчиками.

— Право дело, государь, барон ван Гуттен справится, — вступил в разговор великий бастард Антуан. — Если кто с монашками и справится, то только он.

Великий бастард украдкой мне подмигнул. Вот же мужик! Уважаю. Правда, пришлось заранее заручиться его поддержкой. Пообещав тридцать процентов от добычи. Стяжатель и вымогатель какой-то, а не великий бастард.

— При благоприятном исходе у нас получится решить частично проблемы с провиантом и финансами, — продолжил гнуть свою линию Антуан.

— Вы представляете, какой шум поднимет святая конгрегация, когда до нее дойдут слухи о том, что аббатство разграблено, а над святыми сестрами надругалась солдатня? — Карл возмущенно повел своим выдающимся носом. — Нет, нет и нет.

Затем, запахнув полу шитого золотом халата, проследовал к своему походному трону, где и утвердился, потягивая мальвазию из кубка. Кроме меня с Антуаном и Карла, в зале совещаний больше никого не было. Не считая, конечно, obsługi и моих негрil с лучниками тела в карауле. Подобные дела не требуют огласки, могут появиться лишние кандидаты на лакомый кусочек.

— Сир... позвольте заверить вас... святые сестры останутся довольны. Опять же, сир, ответственность если и падет, то только на меня... — И я одновременно явил своим видом величайшее смирение и решимость ответственность за все свои будущие прегрешения.

Мля... научился лицедействовать за время придворной службы. И никуда не денешься, хотя иногда и воротит.

— И как вы, барон, это устроите? Хотелось бы знать. — Карл Смелый скептически окинул меня взглядом.

— Очень просто. Монашек никто не будет насиловать... А если и будут, то при полном их согласии...

В общем, через час уговоров Карл сдался. Правда, пообещал образцово-показательно наказать в случае бесчинств над невестами Христовыми. Дальнейшее являлось только делом техники и... конечно, небольшого везения. Оставив в лагере только негрил при карауле, я с полусотней арбалетчиков, таким же количеством спитцеров и кутильеров, при неизменных трех десятках мосарабов и шестиорудийной батарее совершил стремительный марш и ворвался в аббатство на плечах громадного обоза с провиантом, как раз сделавшего там остановку перед выдвижением к Нанси. Пользуясь внезапностью, охрану быстро перекололи — это при минимальных своих потерях, монахинь — во избежание насилия — заперли под караулом в общей молельне, пригожих послушниц отправили на сеновал для употребления по существу — и все... Фортуна опять повернулась ко мне передом.

Сегодня пошел второй день как мы осваиваем мощности аббатства. Обоз с провиантом как свидетельство своей виктории я уже отправил в расположение войск. Представляю, какой там ажиотаж поднялся... Только стадо бычков при обозе насчитывает не менее сотни голов. Остальное, в том числе сокровищница, требует более вдумчивого отношения. Да и не нашли мы пока казны городской — ведем деликатное дознание. Не будешь же в самом деле монахинь пытаться... Но аудитор полон решимости.

По сути, мои действия являются дикой авантюрой. Полный отрыв от действующей армии с таким мизерным количеством сил чреват. Ответка может последовать незамедлительно, но постараюсь успеть. Стены у аббатства крепкие. Что за гам?

— Не прикасайтесь ко мне, еретики!!! — раздался за дверью женский визг. — Прокляну святотатцев!!!

Я вылетел в коридор и узрел картину: три здоровенных, обвешанных оружием спитцера испуганно жмутся к стенам, а к ним, потрясая кулачками, подступает статная монашка в шелковой рясе...

М-да... Согласно многим историческим трудам, с лицами монашеского полу особенно не церемонились — насиловали, грабили и убивали. Но как очевидец могу заметить: подобные утверждения все же являются некоторым преувеличением. Бывало, конечно, но в основном беспредельничает солдатская вольница, то есть наемники, мародеры и прочие разные там живорезы с рутьерами. Или регулярное воинство, но при прямом на то приказе непосредственных отцов-командиров. Бывало и такое. На самом же деле отношение к церкви в это *наше* время достаточно трепетное и почтенное. Церковь в силе, да и строжайший приказ от меня последовал — святых дочерей по возможности не притеснять. Поэтому я своих спитцеров понимаю. Одно дело в сене послушницу повалить, даже если она немножечко сопротивляется, а совсем другое — по заливке съездить матери аббатисе. Чревато...

— Что здесь творится?! — грозно рыкнул я, обращаясь к Якобу Бользену.

— Дык... — замялся сержант, — доставляем по вашему приказу.

— Они меня хотели изнасиловать!!! — истошно взвизгнула аббатиса. — Нечестивцы!!!

— Что, прямо в коридоре?

Теперь смешалась аббатиса:

— Нет... но намерения их ясны как божий день...

— Понятно. Прошу вас... — Я распахнул перед монахиней дверь. — А вы, сержант, действуйте далее по распорядку. Выполнять. И удвойте караул при молельне. Да, проследите, чтобы святым дочерям исправно доставляли потребное и выводили по нужде разной. И проконтролируйте, как грузят возы.

В келье усадил невесту Христову в кресло — ранее ей же и принадлежавшее, подал кубок с подогретым вином и подвинул вазу с засахаренными фруктами. Решив, что полностью исполнил свой куртуазный долг, уселся напротив и задал вопрос:

— В чем природа вашего беспокойства, матушка?

При этом стал оную матушку пристально рассматривать. М-да... далеко не дурнушка и довольно молода. Вон какие ямочки на щечках симпатичные... Хотя и проскальзывает в обличье нечто истерическое и стервозное. Ну, это понятное

дело — длительное воздержание кого хочешь нервным сделает. Лет тридцать дамочке... может, с небольшим. Такая пышная, видом весьма породистая, следовательно, явно не подлого происхождения. Да и не может быть аббатиса столь роскошного аббатства являться простолюдинкой. Такими благами даже награждают в наше время. Вполне может оказаться одной из дочерей влиятельной родовитой семьи, будучи с детства посвященной церкви. А может, сама приняла постриг, ведомая некими обстоятельствами али чем еще компрометирующим. Сейчас и узнаю...

— Да как вы смели!!! — Аббатиса опять стала себя накручивать, впрочем не забывая отхлебывать из кубка и хрумкать цукаты мелкими белоснежными зубками.

— Кавалер ордена Дракона, кондюкто лейб-гвардии его светлости Карла Бургундского, барон Жан ван Гуттен. — Вместо того чтобы отвечать на сомнительный вопрос, я встал и с легким полупоклоном явил свой полный титул.

— Графиня Алоиза фон Шва... — Монахиня по инерции тоже раскрыла свое инкогнито, но быстро опомнилась и келью огласил очередной вопль: — Святотатцы, насильники!!! Вас Бог покарает!!!

— Право дело, матушка... — я поморщился, — не стоит так кричать. А то и правда невесть что подумают. Насколько я понял, вы вступили в сан совсем недавно?

— Это не имеет никакого значения! — гордо вскинула головку аббатиса. — Насилия церковь не потерпит. О вашем поведении будет сообщено в Ватикан!!!

— Господи... да вас никто не собирается насиловать...

— Как? Совсем? — с величайшим подозрением и, кажется, весьма разочарованно уставилась на меня монахиня. — Вы же солдаты, насильники, поголовно нечестивцы и негодяи?..

— Да, мы примерно такие, но насиловать не будем. — Я слегка поклонился и долил святой дочери вина в кубок. — От слова совсем. Что, впрочем, не касается обслуги и послушниц. Но тоже без особой грубости.

— Замолят как-нибудь... — небрежно отмахнулась аббатиса, а потом, опять поняв, что прокололась, широко и истово перекрестилась.

Вот так так... И что же она от меня хочет?

— Матушка, предлагаю вам со мной отужинать. Поверьте, мой повар творит чудеса. А я за вами поухаживаю со всем поч-

тением. А в процессе мы постараемся сгладить все неудобства, причиненные святой обители...

Настоятельница не стала возражать.

Пужинали...

— Ничего нет... ой, ой, ой... Господи, поми-и-илуй!!! — взывала Алоиза и стала набирать темп, активно двигая пышным задом. — Ой, ой...

— Мулов с конюшни все одно заберу! — Я, ускоряясь, нащупал тугую грудь аббатисы. — Городскую казну, отданную вам на сохранение, — тоже... и без разговоров... И ты мне покажешь, где она скрыта...

— Отправили мы ее. Ничего не-э-эту-у-у... — Аббатиса зазавела в вопле и рухнула на меня, рыдая в голос.

Впечатленный таким бурным восторгом от моей мужской силы, я погладил всхлипывающую женщину по волосам:

— Да что вы в самом деле, Алоиза...

— Пустое, Жан... — Аббатиса приникла к моей груди. — Я оплакиваю свое мирское прошлое...

Да уж... вот такой казус случился. Не ожидал... «Декамерон» в чистом виде. Впрочем, я ее не осуждаю. Оказывается, Алоиза получила свой сан и доходное место всего три недели назад. А до этого вполне полноценно вкушала все прелести мирской жизни. До той самой поры, как скоростаживно помер ее престарелый муж. После чего родня, пользуясь отсутствием наследников, быстренько спровадила ее в монастырь. Впрочем, поступили по справедливости: не монашкой, а настоятельницей крупного богатого аббатства. В самую пору сказать цитатой из классика: «О времена, о нравы...»

— Жан, вы великолепы... — Алоиза понемногу стала приходить в себя.

— Вы тоже, Алоиза, но давайте вернемся к нашим баранам.

— Это вы про казну?

— Именно про нее. Сами понимаете, ее получение нами — только вопрос времени. А терпение мое вовсе не безгранично. Я и так едва сдерживаю своих молодцов. Давайте договариваться.

— Бесплезно, Жан. — Аббатиса томно потянулась, а ее рука скользнула к моим чреслам. — Все, что было, уже ваш скряга-аудитор подчистил. И уймите вы его наконец. Преподобную Цецилию уже чуть до удара не довел, ирод. Снасилничать старушку угрожает. Варвар...

— А что с деньгами самого аббатства?

— А что с ними? — удивилась Алоиза и отрезала: — Я же говорю, помимо того, что уже нашли ваши люди, ничего нет. А к церковной утвари даже прикасаться не смейте! Жан, я предупреждаю...

Я закрыл ей рот поцелуем. Когда она еще мужской ласки попробует... да и хороша девка в постели.

— А-ах, Жа-а-ан!!!

Алоиза не успокоилась, пока полностью не выжала меня, затем сама заснула, а я наконец получил возможность задуматься.

Печально, но, кажется, в финансовом плане нашу экспедицию постигнет полное фиаско. Не будешь же аббатство разбирать по кирпичику... А добровольно клятые монахини ничего не отдадут. Высечь бы их, по петровскому примеру...

Денег в общей сложности нашли на сумму около пятидесяти турецких ливров. Точнее аудитор скажет. Это мизер... Хотя печалиться вроде нечему: провианта столько, что хватит на всю армию. Увезти бы все без приключений... И библиотеку монастырскую полностью подчищу. Ко мне в замок перекочует...

Пользуясь тем, что аббатиса задремала, накинул на себя халат и вернулся к книжным шкафам. Точно все заберу. Потянул к себе фолиант в богатом, тисненном золотом переплете. Да что за черт?! Клятая книженция застряла намертво. Гвоздями ее, что ли, прибили?

Неожиданно книга поддалась... и одновременно с ней, скрипнув, пришел в движение весь книжный шкаф.

— Nu nichrena sebye... — прошептал я на родном языке. — Да это же!..

За съехавшим в сторону книжным шкафом открылась узенькая ниша с окованной железными полосами дверью. Кино и немцы.

— А ну подъем, Алоизка! — скомандовал аббатисе. — Что это за нахрен?

Дико злобное и одновременно испуганное выражение лица монахини само по себе все прояснило. Ай да я! А хренов аудитор перегородки там ломает!.. Олух.

— Одевайся! — бросил настоятельнице, а сам, на ходу раздавая команды караульным, продефилировал к двери ке-

льи. — Срочным порядком ко мне казначея с помощниками. И ломы прихватите. Бегом! Стоп... и моих пажей-бездельников разыщите...

Караульные исчезли со скоростью света.

— Жан! Господин барон... поймайте! — Аббатиса прижала к груди руки. — Я была не вправе!

— Мне все равно! Ключ давайте, а иначе мы разворотим вам половину кельи, — прикрикнул я на Алоизу, натягивая ботфорты. — И живо.

— Господин капитан... — в келье появился мой обер-аудитор и сразу согнулся в поклоне, — вы изволили меня звать?

Немного отступлю от повествования...

Хорст Дьюль — преемник Тука на должности обер-аудитора-казначея. У Логана с возведением в лейтенантский чин появилось немало других забот и обязанностей, так что за всем он просто не успевал. Пришлось задуматься о замене. Дело весьма нелегкое, так как должность — весьма и весьма специфическая. Кандидат не только должен обладать надлежащими талантами, но еще быть в доску свой. Не чей-то, а именно мой. До мозга костей. Поначалу я планировал пристроить к делу Иоста, но потом передумал. У парня рыцарское будущее, незачем ему биографию портить. И тут как нельзя кстати судьба меня свела вот с этим тщедушным очкариком. Как всегда случайно. Под славным городом Ипром. Да-да, именно тем, в честь которого назвали один веселенький газ. Так вот, под Ипром, я его и подобрал. Едва живого от голода, но с сумой, полной писчих принадлежностей и дипломом Мюнстерского университета, старательно завернутым в тряпицу. Все мужичок по нужде продал, а вот чернильницу с перьями оставил. Зачем его подобрал? Да по прихоти своей. Ловец человек, ёптыть... Подобрал и определил в обоз на посильные работы. Не буду в подробностях освещать карьерный путь сего индивидуума, но по итогу рекомендовал мне его сам Логан. И не прогадал. Хорст — такая педантичная, вредная и въедливая скотина, что порой хочется его самолично зарубить. Но сдерживаю себя, ибо великой полезности человек и верен как собака. Были возможности в этом убедиться.

— Ну как? Нашел? — с ехидцей поинтересовался я у аудитора.

— Господин капитан... — Хорст покаянно сморщил свое сухенькое личико. — Но все остальное уже оприходовано и переписано. Извольте просмотреть отчет. Опять же...

— Значит, не нашел, — прервал я его. — И хочется знать почему?

— Почему? — сам у себя спросил Хорст, но ответил уже мне: — Возможно, потому, что господин барон не дал разрешения провести дознание по всем правилам?

— Потому что искать не умеешь! — рыкнул я ему искомандовал: — За мной!

Аббатиса ключ так и не явила, помимо того — разразилась руганью и прокляла нас всех скопом. Пришлось ее запереть в дальнем чулане, от греха подальше. Так и чесались руки отправить девку на конюшню для употребления вечно голодными до женской ласки солдатами. Но сдержался... пока.

С дверью пришлось повозиться. Делали ее на совесть; впрочем, как и почти все в это время. Но в конце концов она, отчаянно заскрипев, сдалась...

Факел осветил узенький сводчатый ход. М-да, мрачненько. Аббатство очень древней постройки — по-другому тогда просто не умели. И, насколько я понимаю, проход проделан внутри стены донжона. Посмотрим...

Немного покружив, мы стали спускаться куда-то вниз. Ощутимо запахло сыростью и гнилью. Точно где-то под землей бредем.

Неожиданно наткнулись еще на одну дверь, а за ней еще и на развилку. Сразу пожалел, что с собой нет клубочка пряжи. Зараза, заплутать еще не хватало...

Пришлось разделиться. Еще несколько поворотов и — тупик. Пришли... Принялся долбить по всем выпуклостям, но только отбил кулак. А что? В кино в таких случаях обычно что-то нажимают. Правда, там еще и на голову хрень какая-нибудь может свалиться. Или стрелами затыкает. Но не затыкало... и перегородка не открылась. Пришлось вернуться к развилке, догнать вторую группу, и... опять наткнуться на тупик. Точно такой же, как первый.

— Ломай... — махнул я рукой и с досады двинул ногой по стене. — Да что за напасть!..

— Осмелюсь возразить... — Хорст внимательно изучал камни на стене. — Так вот же... потертый самый...

Я собрался было наорать на казначея, но после его манипуляций за стеной зашуршал противовес, а перегородка поползла вверх. Долбаные архитекторы!

Мы очутились в небольшой каморке с еще одной дверью, к счастью незапертой. А за ней... за ней я узрел самую настоящую монастырскую темницу. Причем тайную — явную мы уже обыскивали.

И в этой темнице...

Да неужели?..

Это правда?..

Сука... спалю курву заживо...

ГЛАВА 2

— Что это такое? — Я ткнул рукой в четко выделяющиеся на стене длинные прямоугольники с высеченным на них словосочетанием на латыни: «in расе».

Соратники подавленно молчали. Хотя я мог бы и не спрашивать. Все и так ясно. По периметру стены шли ниши. Половина из них была заложена, а остальные так и оставались пустыми.

Такие не очень глубокие ниши, с небольшим уступом внутри. Как раз помещается человек, а на уступ даже может присесть. И тесаные камни рядом лежат...

Сука... Значит, правда...

— Вот она, казна!!! — радостно завопил Клаус, сунувшийся в боковую дверцу. — Господин барон!...

— Заткнись! — рыкнул я на него. — Слышите?

Ближники недоуменно на меня уставились.

— Вот, опять...

По комнате пронесся едва различимый вздох. Тихий, как дуновение ветерка и одновременно невероятно зловещий. Сами посудите... Неровный порывистый свет факелов едва освещает сводчатые, поросшие мхом стены, решетки, колодки, кости в цепях и тут — полный страдания стон... Жуть!

— Матерь божья! — Все одновременно истово закрестились, а Питер Нидербоккер, здоровенный головорез и отъявленный храбрец, с выражением крайнего ужаса на морде с грохотом брякнулся в обморок.

У меня самого волосы стали дыбом, а рука невольно совершила крестное знамение.

— Здесь!.. — Один казначей не стал креститься, а тем более падать в обморок. Он подскочил к крайней замурованной нише и приложил к камню ухо.

Я подхватил лом, но путь загородил Михель Кауфман. Десятник спитцеров из последнего набора. Рядом с ним стал Гвидо Зеллер и еще два пикинера, имен которых я пока не запомнил. Всех их, восполняя потери, я нанял месяц назад одной ватагой. Прошлым не интересовался. Солдаты справные и дисциплинированные. Обретаются пока в роте на вспомогательных ролях — к охране Карла, естественно, не допущены.

— Негоже, капитан, в эти дела лезть... — с угрозой прошипел Михель. — Наша мать церковь не ошибается в своих определениях. И не нам вмешиваться в деяния ее.

— В самом деле... — поддакнул ему Зеллер, — не стоит вмешиваться...

Остальные промолчали, но руки, положенные на эфесы палашей, явно свидетельствуют о намерениях.

— В сторону, солдаты! — лязгнул голосом Якоб Бользен и стал со мной рядом. — Кому сказал! Иначе!..

Вот так, значит... Якоб со мной с самого начала — в нем сомневаться не приходится. Кто еще? Клаус, Иост и казначей. Сука... считай, один сержант, пажи даже не одоспешенные, а Хорст — так вообще божье недоразумение. А арбалетчики — в кирасах, капеллинах, при мечях и алебардах. И олух Нидербоккер до сих пор без памяти лежит...

— Что это значит? — вкрадчиво поинтересовался я и сделал маленький шагок вперед, выбирая позицию. — В чем дело, ребята? Я так понял, что вы решили мне... мне, своему командиру, воспрепятствовать? Да я же ничего пока не собираюсь делать. Замуровали — значит так надо...

Еще шагок...

— Не своему командиру, а человеку, собравшемуся попрасть деяния церковные! — выпренно и фанатично ответил Михель. — Я устав зна...

Но не договорил — клинок эспады перерубил ему голосовые связки вместе с кадыком. Одновременно дага с легким хрустом проткнула глазницу Гвидо. «Удар быка» — одновре-

менный удар эспадой и дагой по разным направлениям. Мастер Понс из Перпиньяна может гордиться мной, все сделано как по его учебнику...

Разворот, сближение, махи и одновременный дикий захлебывающийся вой обоих спитцеров. Пикинеры даже не успели палаша из ножен вытащить. Первый шлепнулся на пол с перерубленными связками на ногах, а второй, скрючившись, зажимает фонтан крови, бьющий из паха...

М-да... В самом деле, черт знает что... Порой я совершаю грандиозные ляпы. Рояли в кустах сверкают своими полированными боками. Думал, обвыкся уже. Пообтесался... Ан хрен! Ну как должны среагировать невежественные, средневековые и глубоко верующие персонажи, если на их же глазах кто-то соберется исправлять правосудие, исполненное их матерью католической церковью? Думать надо, барон. Думать, а потом делать. Тьфу... Таких солдат собственными руками изничтожил... Тем более непонятно пока, из-за кого. Но ничего уже не исправишь.

— Эка вы их, капитан! — Якоб восхищенно развел руками. — Сколько раз видел вас в деле, а все равно впечатляюсь. Я уже рубиться собрался.

— Добить? — хором поинтересовались Клаус и Иост, потянув из ножен кинжалы.

— Да... И, Якоб... сколько я их тогда нанял?

— Десяток... — почесал голову под салатом Бользен. — Здесь четверо. Трех срубили обозники вчера... Одного, самого крепкого из них, еще раньше ядром достало. Ну да... осталось еще двое. Все — одна компания. Они и держались особняком. Давно на них обращал внимание. Я вас правильно понял, капитан?

— Да. Сразу после того, как поднимемся на поверхность... — Я не стал объяснять причины приказа.

Якоб правильно все понимает. Оставшаяся парочка может превратиться в источник ненужных проблем. Да, я подозрительный урод. Да, я оскотинился по самое не хочу. Но я живой. И собираюсь таковым оставаться как можно дольше. Формально я прав. Ослушание приказу наказывается смертью однозначно. А в данном случае просто действую на опережение.

Подошел к казначею:

— Займись казной. Тебе привычнее будет. А мы тут сами...
Некрепко схватившаяся кладка с одного удара посыпалась на каменный пол. Поднес факел к нише...

Так и есть: скрюченное, тоненькое тельце в белом саване. Девушка... Совсем молоденькая. Почти ребенок. Живая?

Якоб поднес полированный клинок кинжала к губам девушки, а потом, понурившись, отрицательно pokrutil головой:

— Не успели, капитан. Уже отошла. Мы ее последние вздохи слышали.

— Но как?.. — Я безуспешно пытался нащупать пульс у пленницы. — Не может быть...

— Может, капитан... — Якоб осторожно оттер меня от тела. — Может... Дело такое... Забрал ее боженька к себе...

— Твою мать... — от безысходности выругался я. — Верните ее назад, что ли... Будет хоть какая-то могилка.

— Сделаем, капитан. — Якоб принялся приводить в чувство так и валяющегося в беспомощности Нидербоккера.

— Ваша милость! Вам надо это видеть!.. — В зал ворвались вездесущие Иост и Клаус. — Там такое!.. Такое!..

— Что еще?.. — Я проследовал за ними в еще один коридорчик и опять выругался: — Ад и преисподняя! Я все-таки на хрен спалю чертово аббатство!

Клетки... Похожие на пеналы железные клетки с высохшими человеческими костяками внутри. Да что же это такое?! Похоже, несчастных женщин заморили голодом. Зачем? Млять, изуверы!

— Господин капитан... — Меня деликатно тронул за руку Хорст. — Здесь живых уже нет. Займемся насущным...

— Сам решу, чем заниматься. Что там с казной?

— Два запечатанных бочонка с флоринами. Судя по печаткам, там должно быть по пять тысяч в каждом. В сундуках утварь драгоценная, золотые оклады. Поднимем наверх — смогу точно сказать, сколько и чего...

— Ну так поднимайте... — буркнул я. — Клаус, Иост — помогите казначею... Якоб, дай вина...

Вот так... Право дело, лучше бы я в эти подземелья не сошелся. Да и хрен с ней, казной этой. Знаете... я как будто извальный в грязи. Прикоснулся к мерзости... гадости... Будь эти церковники прокляты! И что самое дерьмовое... они же тво-

рят подобное, искренне верую. Млять!.. Настроение испортили на год вперед, суки...

— Капитан!!! Она все-таки живая! — вдруг заорал Бользен. — Ей-богу, живая!

— Твою же мать! Ну что тормозите? Бегом за обер-медикусом!..

Девушка опять стала проявлять едва заметные признаки жизни. Держись, милая, держись...

Привели мэтра Бельведера. Толстяк глубокомысленно похмыкал и приказал своим подмастерьям тащить несчастную наверх. М-да... Бельведер явно не обладает талантами Самуила, но уже не дикий коновал. По крайней мере, руки моет перед осмотром. Почти всегда...

Выходит девчонку — награжу, а угробит... Угробит так угробит. Все под Богом ходим. Надо бы попросить почтенную Лилит присмотреть за несчастной. Вроде она с нами пришла. Да не ту Лилит, что богиня... Лилит — старая цыганка. С дочерью Евсенией при обозе обретаются. Прибились и как-то прижились. По крайней мере, у народа отторжения не вызывают. Гонений на них вроде бы пока нет. Лилит с Евсенией лошадок врачуют понемногу, могут и понос при необходимости травками уgomонить. А это по нынешним временам очень полезно. Ладно, все что мог — я сделал. Теперь казна...

Ценности в три приема перетаскали наверх. Где казначей и занялся пересчетом. Уже могу сказать — моя затея с вылазкой в аббатство закончилась успешно. Вернее, не столь успешно, как прибыльно. Вот только отчего-то эта прибыль душу не греет. Да и лично мне с этой казны достанется не так уж много. А еще из моей доли великому бастарду Антуану придется злата отсыпать. Да и ладно — все равно в прибытке останусь.

Отправил гонца в ставку за указаниями, затем проверил посты и ход освобождения аббатства от всего ценного, а потом растолкал Тука и стал надираться с ним винищем. Хотел разобраться с невестами Христовыми, в частности с аббатисой, но потом плюнул. От того, что я узнаю, за какие такие грехи заморили несчастных женщин, легче мне не станет. Млять... чувствую, опять вяпался барон в какое-то дерьмо. И скотт еще взялся ныть...

— Не дело, ваша милость. Не дело лезть в дела церковные.

— Грабить, значит, можно?

— Грабить можно, от них не убудет, — убежденно заявил Логан, — а вот в правосудие церковное негоже лезть.

— И что теперь?

— Да ничего. Сделанного не воротишь. Ох и славное у монашек вино... — Тук алчно выхлестал кубок до дна. — И рыбка пригоже идет под мозельское...

— Нет, ты подожди, братец. Так что, получается, надо было несчастную бросить?

— Да нет... Хотя...

— А какого ты мне голову морочишь?

— Ну так... к тому... Вот вы знаете, за что ее осудили?

— Да откуда?..

— А ведьму помните?

— Ее забудешь... — Я действительно тот случай никогда не забуду.

В самом начале нашей истории мы с Туком повстречали настоящую ведьму. Да, самую настоящую. Ее везли в инквизицию на дознание. Со стандартным обвинением: порчу наводила, скот морила, посеvy губила... и прочая подобная лабуда. Я по наивности раньше думал, что сказки все это... Коротче говоря, после того случая я свято верую: ведьмы и остальные производные этого термина существуют. И все приписываемое им — чистая правда. Почти всегда...

— Вот! — наставительно поднял палец шотландец.

— За что так наказывают, братец?

— Достаточная редкость это в наши времена... — Тук задумался. — Раньше оно да...

— Не тяни, окаянный скотт. И подай мне каплуна...

— Поверье есть такое еретическое. Хотя церковь почти всегда закрывала на подобное глаза. Ежели невесту перед самым ее вступлением в брак живьем замуровать в основание моста, либо какого другого строения, то постройка будет стоять вечно.

— Это не тот случай. Ее замуровали всего две недели назад, а аббатству уже пара сотен лет. Там у нее еще кувшин пустой стоял, то есть воды ей немного оставили... В белом саване и стриженная. Девка... лет пятнадцать... а вообще, хрен его знает сколько ей лет, но точно молодая. Чернявая такая. На камне высечено «in расе», что значит «в мире» по-латыни. И дата.

— Ну да... ну да... — глубокомысленно изрек шотландец. — Значица, обитель сия принадлежит братьям-целестинцам... Монахиня она, скорее всего. Нарушившая обет али покаяние какое строгое. Может, вообще в сношении с нечистым уличена. Хотя тут что хочешь может быть. Но точно монашеского сану девка. Своих церковный трибунал наиболее строго наказывает. Особенно женщин — невест Христовых, значит. Я вот всего три случая таких припоминаю — и все с девками... Может, аббатису поспрошаем деликатно? Хотя не стоит... Э-эх, огласки бы не вышло...

— Не причитай... — Я уже сам был не рад тому, что освободил узницу. — Давай нажремся... А девка, может, и не выживет вовсе...

Пара дней пролетела как пара часов. Известий из ставки не было: думаю, не до нас им сейчас, да и гонец завтра-послезавтра только появится. Не скажу, что я огорчен. Да и солдатики отъедятся. Что совсем нелишнее.

Спасенная девчонка так и болталась на грани жизни и смерти. Но тут я ничем помочь не могу. Все в руках Господа. Нишу, из которой ее извлекли, замуровали обратно и подчистили все следы. Может, и удастся скрыть свое вмешательство в церковное правосудие. Ну никак не входит в мои планы попадать под горячую руку церковного трибунала. А еще девушка, кажется, с примесью испанской крови... армянской... грузинской... мавританской... В общем, явно не нордической расы. И возможно, даже вовсе немая...

Словом, все как бы в порядке. Было. До тех пор, пока рано утром не прибежал караульный и не сообщил, что подходит крупный отряд пехоты под предводительством нескольких рыцарей.

Вот этого еще не хватало для полного счастья... Ну ладно, пора подраться, а то подраслабились совсем.

— Что стоишь? Труби сбор...

— А ежели вдарить? Их всего в два раза больше. Ну в два с половиной... — Тук азартно стукнул кулаком по ладони.

— Можно и вдарить... — Я сложил подозрную трубу и сунул ее в сумку. — Уильям, Якоб, Курт, Альмейда, мэтр Пелегрини: слушай диспозицию. Арбалетчиков на стены — и затаиться. Оставьте на виду несколько человек да обрядите их в котты обозников. Пусть часовых изображают...

— Капитан, вы думаете, не разберутся? — засомневался Логан.

— Да, я так думаю. Они не знают, что аббатство захвачено. А если знают, то тогда они идиоты. Пригнать четыре сотни пехоты, да еще без артиллерии и осадной инженерии, чтобы штурмовать такие стены, — только у идиотов и у меня ума хватит. Мэтр Рафаэлло, орудия во дворе — прямой наводкой на ворота. Зарядить картечью. Быть готовыми, как ворота откроются, выпалить.

— Все не умещу... максимум два напрямую станут. — Рафаэлло Пелегрини ухмыльнулся. — Но я знаю, как сделать. Выполнять?

— Да, вы свободны... — Я в очередной раз похвалил себя за сообразительность.

Великих трудов и расходов стоило переманить ломбардца к себе на службу. Мэтр артиллерии бургундской армии Гаспар Бюро рогом упирался, не хотел отдавать своего подчиненного, но, как всегда, монеты и связи сделали свое дело. Но ломбардец стоит каждого стюйвера. Как бы его охарактеризовать? Да просто. Он бомбардир от Бога. Уверен — дай ему современную гаубицу, он уже через пару часов будет из нее палить как выпускник военно-артиллерийского училища. Вот такой уникал. Хотя у меня все командиры таланты — ну... в той или иной мере. И я тоже... это... как бы не посредственность.

— Альмейда. Строишь своих аркебузирова и после залпов орудий начинаешь палить плутонгами. Арбалетчики работают со стен. Пикинерам быть готовыми к выходу за ворота и контратаке. Ворота откроете тогда, когда враг будет уже на мосту...

Да, вот такой план. Если противник знает, что аббатство захвачено, то, конечно, план этот не выгорит, но мы в любом случае ничего не теряем. Аббатство такими силами не возьмешь — тут даже настоящей армии поковыряться придется. Стены, конечно, обветшали, но приличествуют хорошей крепости. Да и в ров с реки вода отведена. Так что...

Я снова глянул в подзорную трубу. Ага, метров триста им еще топтать. Кто же вы такие? Где знамя, где значки?.. По коттам ни хрена не понятно... Туман чертов! Хотя точно не наши.

Как там говорили?.. Убивайте всех — Господь сам разберется: кто свой, а кто чужой...

Черт... до чего же оптика хреновая. Или в глазах мутнеет? Да нет вроде... Ладно, и без трубы все нормально видно.

Давай, родные, давай...

Еще, еще...

Открываем ворота...

Залп!!!

Не понял...

Это что за нахрен?

— Что?! Как?! — Я поймал за ворот пожилого солдата и притянул к себе. — Не вздумай лгать, скотина. Четвертую!!!

— Клянусь Господом Богом н-нашим и Святой Девой Богородицей!!! — заикаясь и стуча зубами, взвопил ополченец. — Позавчера капитулировали, а мы, значит, домой возвращались, сложив знамя и оружие... Все честь по чести, господин. Милостиво отпущены с миром, самим государем Карлом Бургундским, с гарантиями неприкосновенности. Ополченцы мы... из города Сен-Дье... Не велите казнить...

— Твою же мать!!! — Я отбросил от себя солдата. — Что же вы, идиоты?..

Не договорил и в ярости двинул кулаком в стену... Это косяк... Это серьезный косяк!!!

Все прошло как по нотам. Едва голова колонны вступила на мост, как ворота открылись и серпентины мэтра Пелегрини первым же залпом сделали из нее мелкий фарш. Второй и третий залп; затем аркебузы мосарабов и болты арбалетчиков завершили дело. Полная, млять, виктория. Треть колонны как корова языком слизнула. Пережевала и выплюнула. Остальные, завывая в ужасе, ринулись куда попало, а их ловил кутюльеры и весело резали как баранов...

Млять, какой же я долбодятел! Хуже!

Знамя в чехле.

С коттдарме гербы спороты.

Оружия почти нет.

Обоз, полный раненых.

А я на это внимания не обратил... Сука... Полторы сотни невинных душ загубил. Не считая искалеченных... И барона Кальмара вместе с сыновьями, свитой и бурмистром города Сен-Дье...

Песец... Да меня Карлуша повесить прикажет! И разбира-ться особенно не будет. А остальные дворяне заплюют как первостатейного негодяя, нагло поправшего рыцарствен-ность. Да со мной на одном поле никто гадить не сядет...

Вот это влетел! Что же делать? Что же так руки трясутся? Вроде вчера особо винцом не увлекались. По кубку привезен-ного Туком тяпнули, и все...

— Логан...

— Да, ваша милость?

— Что делать?

— А что делать?

— Что нам с этим делать!

— Да ничего. — Шотландец недоуменно пожал плечища-ми. — Бывает. Попутали. Они попутали.

— Они?

— А кто еще? Ваша милость, а вы не заболели? Вид ваш мне не нравится...

— Да здоров я. Они или мы?

— Они, конечно. Мы-то при чем? Откуда мы знали, что война закончилась? Белого флага у них не было. Сами вино-ваты. Что-то вы и в самом деле бледный...

— Ну да... — В разговор вступил Альмейда. — Флага не было. А положено при себе иметь в подобных случаях. Капи-тан, вы не ранены?

— Идите к черту. Значит, ничего страшного?

— Ну да. Что с пленными-то делать?

— Что? Отпустите. Пораненным и увечным помощь ока-жите. И барона... Ну... то, что от него осталось, пусть тоже за-берут...

— Сначала пусть своих захоронят, а я отпою скопом, — предложил Уильям.

— Делай как знаешь... — Я отмахнулся от Тука и присел на тук сена.

М-да... Что-то я мнительным стал... Белого флага действи-тельно не было. Может, правда приболел? Голова какая-то пустая, и перед глазами все плывет... Стоп, куда?..

— Вот до чего ты себя довел, Жанно... — В темноте возник-ло красивое женское лицо, обрамленное черным монаше-ским клобуком.

— Пустое! — отрывисто бросил коренастый бородатый мужчина в родовой короне графов Арманьяк. — Я-то в его годы!..

— Бессовестный, — укоризненно сказала ослепительно красивая девушка с младенцем на руках. — Все вы, Арманьяки, такие...

— По краю ходишь ты, по краю ходишь ты... Га-га-га... — Видение Жанны де Фуа и отца с матерью сменилось образом гогочущей атаманши из мультфильма «Бременские музыканты», но с лицом руа франков Луи Всемирного Паука...

— Береги себя, береги себя, береги себя, себя, себя-а-а-а... — громыхнул речитативом и стал затихать чей-то голос.

— По делам е-э-эго судим буде-э-эт... — затянул еще кто-то на манер церковного пения.

— Удар! У капитана удар... — откуда-то со стороны как сквозь туман донесся густой бас обер-медикуса. — Я-то знаю. Ну ничего, вот сейчас кровь отворим...

— Я тебе сейчас сам ее отворю! — заорал я и наконец смог открыть глаза. — Что, мать вашу, я спрашиваю, случилось? Ох...

— Очнулся, слава Господу Богу нашему!

— Господь милостив!

— Слава Деве Марии!!!

— Да здравствует капитан!!!

Обступившие мою кровать соратники разом воздали славу Господу и стали осенять себя крестными знаменами.

— Что за?!.. — Я попытался встать и, к своему ужасу, понял, что не могу.

— Тише, ваша милость, тише... — Лапищи Уильяма прижали меня к кровати. — Приболели вы малость. Может, действительно кровь отворить? Хотите, я сам...

— Руки убери... — Я оттолкнул шотландца. — Вина дайте...

— О! Винишко — оно пользительное. Я сразу сказал: командир просто устал! — радостно воскликнул Бользен. — А вы заладили... Сами знаете, как он о службе печется. Все на ногах да на ногах...

— Ага... — согласно кивнул Альмейда. — Бабы кого хошь доведут до истощения. Я вот, помню, из борделя неделю не вылезал, так едва ходил.

— А я говорю — удар! — прикрикнул Бельведер. — Что вы можете знать про удары, неучи!

— Я счас тебя как двину, ученая морда! — угрожающе протянул сержант спитцеров Курт Боулингер. — Ты кого вот сейчас неучем назвал, скотина? Я писать умею...

— А ну тихо... — Я отхлебнул вина, и головокружение действительно почти прекратилось. — Я что, в обморок хлопнулся?

— Ага! — Кивнул Логан с растроганной мордой.

— И сколько был в беспамятстве?

— Дык почитай сутки, — подсказал Боулингер. — Мы уже думали, того...

— Я вам дам «того»... — Не обращая внимания на укоризненные вздохи обер-медикуса, я вновь попробовал встать. — Да помогите же...

И встал... А потом отправился своим ходом к столу, уставленному едой. Проголодался — жуть. Набил рот хлебом с сыром и пробубнил:

— Ну фто молфим?.. Раффкафывайте...

И сразу извергнул все содержимое желудка на пол. Внутренности взорвались огнем...

— Да его отравили!.. — ахнул чей-то изумленный голос.

ГЛАВА 3

Как я не помер? Не знаю. Две недели находился между жизнью и смертью. Стал похож на вяленую чехонь — такой же сухой и прозрачный. Но выкарабкался...

Поступила команда возвращаться в Нанси, и соратники перевезли меня в город. Придворные лекари Карла разводили руками. Еще бы, толченый рог единорога не помог! Как будто он когда-нибудь кому-нибудь помогал... Идиоты! Мракобесы и коновалы!

Спасла меня Лилит. Отпоила кобыльим молоком и ей одной известными травами. Если бы не цыганка, то все. Подбили славного барона на взлете.

Я готов к смерти, время такое — костлявая всегда рядышком ходит, но было реально страшно. Буде случится зарубленным в бою или на дуэли, даже сложить голову на плахе —

это одно дело: тоже страшно, но вполне понятно и предсказуемо, а вот когда смерть приходит неизвестно откуда...

Кстати, Тука траванули одновременно со мной. Но на него яд подействовал своеобразно. Шотландца только грандиозный дрищ прошиб, да неделю скотт как сонная муха ходил. А так — перенес на ногах болезнь. Кто это сделал? Я грешил на монашек, но потом все прояснилось. Верней, совсем запуталось до предела. Отравленным оказался бочонок вина, который Логан купил по пути в Лотарингию у своего невольного попутчика по имени шевалье де Сирак. Умысел сего шевалье ясен. Тук не скрывал того, что служит под началом барона ван Гуттена, в прошлом шевалье де Дрюона. Грешным делом, я подумал, что ожил Гийом де Монфокон, это как раз в его стиле подобные пакости устраивать. Так нет — Тук клянется, что под мое описание этот дворянин не подходит. Да и Монфокон я навеки упокоил в замке Бюзе-Сен-Такр, отомстив за смерть отца и Жанны де Фуа — моей мачехи. С перерезанной глоткой не живут — особенно в четырнадцатом веке. Загадка, однако...

Шевалье подан в негласный розыск, но, думаю, это не настоящее его имя, и понятно, чем этот розыск закончится. Покушение на свадьбе Логана обрело вот такое продолжение. Да, я уверен — эти события связаны... и еще мне кажется, за ними маячит рожа Всемирного Паука. Но посмотрим. Теперь я готов. Почти...

— В приходе — девятьсот пятнадцать флоринов... — Хорст поправил очки и черкнул пером в пергаментном свитке. — Это уже за вычетом премий и доли... ну, вы сами знаете кому. И в совокупности с доходами от продажи лишних возов и отбракованных господином лейтенантом ван Брескенсом лошадей. И мулов с прочими трофеями тоже. А также не считая награды от нашего милостивого государя за геройство. Ее я провел по вашей личной статье доходов. Значица, вот дарственная на дом...

Это Хорст Дьюль нудит. Добрался наконец, бумажная душа, до меня и теперь не отстанет, пока не явит всю финансовую отчетность. Он уже два дня пытается доложиться, да мне из вредности недосуг было. А заодно проверял его — не станет ли казначей без надзора казнокрадствовать. Не стал...

ГЛОССАРИЙ

армет (*ит.* Armet) — закрытый кавалерийский шлем XV — XVI вв.

аверс (*фр.* avers, *лат.* adversus — обращенный лицом) — лицевая, главная сторона монет и медалей, противоположная реверсу

ассасины (хашшашины) — наименование, под которым получили широкую известность в Средние века и в настоящее время исмаилиты-низариты. Предполагается и другое происхождение слова — от арабского «хасанийун», означающего «хасаниты», то есть последователи Хасана ибн Ас-Саббаха

бак (*нидерл.* bak) — надстройка в носовой части палубы, доходящая до форштевня. Баком раньше называли носовую часть верхней палубы (впереди фок-мачты). Служит для защиты верхней палубы от заливания встречной волной, повышения непотопляемости, размещения служебных помещений и т. д.

банка — сиденье для гребцов на мелких беспалубных судах

баннерет — в феодальную эпоху: рыцарь, имеющий право вести в бой группу людей (часто также рыцарей) под собственным знаменем с изображением его собственных геральдических символов

барбют (*англ.* Barbutе, *ит.* Barbotto) — пехотный шлем XV в., в значительной мере закрывающий лицо за счет развитых нащечников

бард (*англ.* Barding) — название конского доспеха. Изготавливался из металлических пластин, кольчуги, кожи или простеганной ткани

барбакан (реже — барбикан или барбикен) — фортификационное сооружение, предназначенное для дополнительной защиты входа в крепость

бебут — один из основных типов кавказских кинжалов. Вероятнее всего, тюркского происхождения. Клинок изогнутый, двусторонней или односторонней заточки, длиной до 50 см, чаще всего с долами

брейд-вымпел — широкий короткий вымпел, поднимаемый на грот-мачте командирами соединений, дивизионов и командирами отрядов кораблей

боши — презрительное прозвище, данное немецким оккупантам партизанами Французского сопротивления

брэ — средневековые трусы. Конструкция аналогична современной мужской модели типа «семейных», но уже, длиннее и с подколенными завязками

Бургундский Отель — так называли в Европе бургундский двор. В романе употребляется также: Отель, Малый Отель

вагенбург (*нем.* Wagenburg), вагонфорт (*англ.* Wagon fort) — передвижное полевое укрепление из повозок в XV — XVIII вв.

Великий Старец Горы — европейское прозвище Хасана ибн Ас-Саббаха, знаменитого предводителя секты исмаилитов-низаритов, прославившейся своими убийцами-ассасинами

вымбовка — деревянный рычаг, служащий для вращения шпидля вручную

вериги (*ст.-слав.* верига — цепь) — разного вида железные цепи, полосы, кольца, носившиеся христианами-аскетами на голом теле для усмирения плоти

горжет — первоначально стальной воротник для защиты шеи и горла. Горжет был частью старинных доспехов и предназначался для защиты от мечей и других видов холодного оружия

грот-мачта — вторая мачта, считая от носа корабля

герса — крепостная решетка, снабженная механизмом подъема

гукер — двухмачтовое судно с грот- и бизань-мачтами. На передней половине судна мачты не было

дамуазо (*фр.* damoiseau) — название сыновей феодальных сеньоров, когда их готовили в качестве пажей и оруженосцев к принятию рыцарского сана

дага — короткоклинковое оружие. Дага имеет вид короткой, не превышающей в длину 50—60 см колюще-режущей шпаги с узким клинком и усиленной гардой. Эфес даги имеет широкую гарду. Гарды могут быть в виде чаши или в виде дужек

да́и (*цыг.*) — мама

донжон — главная башня в европейских феодальных замках. В отличие от башен на стенах замка донжон находится внутри крепостных стен

дестриер (дестрие, декстер) — средневековая порода рыцарских боевых коней. Очень высокие мощные кони, достигающие около тонны веса и роста в холке 180—200 см, хотя особенно ценились выучкой, выносливостью и породой, а не большим ростом. Некоторые сеньоры платили за дестриера от 100 до 200 фунтов серебра — целое состояние, по меркам тогдашней жизни

допельсольднер — наемник на двойном жалованье, более умелый и, соответственно, более ценный ресурс для наемной кампании

дюк — герцог

жандарм — тяжеловооруженный кавалерист в ордонансных ротах бургундской армии

индульгенция — в католической церкви: полное или частичное прощение грехов, которое давала церковь верующему, а также свидетельство, выдаваемое церковью по случаю отпущения грехов

камиза — нижняя рубашка. Могла быть просторной либо облепать тело благодаря шнуровке, которая собирала ткань на боках. Женская камиза была длиной до пят и часто без рукавов

карьер — самая резвая разновидность галопа

кастенбруст (*нем.* Kastenbrust) — рыцарский доспех севера Европы 1-й пол. XV в. Помимо коробчатой кирасы для этих

доспехов были характерны шлем гранд-бацинет и латные перчатки. Характерными чертами его были угловатый силуэт и очень длинная латная юбка

клеймора (*англ.* Claymore) — особый тип двуручного меча, использовавшийся в Шотландии в XV — XVII вв. Название происходит от *эльск.* claidheamh mor — большой меч

ковен — традиционное обозначение устойчивого сообщества ведьм, регулярно собирающихся для отправления обрядов

когг — средневековое одномачтовое палубное парусное судно с высокими бортами и мощным корпусом, оснащенное прямым парусом площадью 150—200 м²

кондюкто (*фр.* conducteur) — командир ордонансной роты в бургундской армии

контесса (контесс) — графиня

котта (сюрко, коттдарме) — длинный и просторный плащ-нарамник, похожий по покрою на пончо и часто украшавшийся гербом владельца или сюзерена. Этот плащ рыцари носили в том числе и для защиты кольчуги от нагрева солнцем

кракинен — арбалет с реечным воротом

кринет — элемент лошадиного доспеха, защищающий шею коня

курсе — дорогой боевой конь, однако уступавший габаритами и стоимостью настоящему дестриеру

кутюльеры (*фр.* coutilliers) — французские средневековые солдаты, вооруженные шпагой или лезвием, воткнутым в палку. Обычно имели вспомогательные функции при жандармах и рыцарях, в том числе приканчивали раненых врагов

лал — устаревшее собирательное название большинства драгоценных камней красного или кроваво-красного цвета

ламельярный доспех (*от лат.* lamella — пластинка, чешуйка) — общее название доспеха из сплетенных между собой шнуром пластин. Ламелляр обычно существовал в виде корсета-кирасы, часто с длинным подолом, играющим роль набедренников

Левант — общее название стран восточной части Средиземного моря

леер — укрепленный на стойках трос, заменяющий фальшборт судна

СОДЕРЖАНИЕ

СТРАНА АРМАНЬЯК. ДРАКОН ЗОЛОТОГО РУНА. <i>Фантастический роман</i>	5
Глоссарий	303